

Солженицынские **ТЕТРАДИ**

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Москва
Русский путь
2012

1

УДК 82.0
ББК 84(2Рос)6 + 83.3(2Рос)6
С-60

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

Главный редактор *А.С. Немзер*

Оформление *С.А. Астафуров*

Макет *И.И. Антонова*

Репродукции рукописей и фотографии *О.В. Паршин*

ISBN 978-5-85887-420-1

© Авторы, 2012
© Лотман Ю.М. (наследники), 2012
© Солженицын А.И. (наследники), 2012
© Чуковская Л.К. (наследники), 2012
© ГБУК «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына», 2012
© Оформление. ЗАО «Издательство “Русский путь”», 2012

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ:

Из наследия Александра Солженицына

Александр Солженицын

ИЗ «ЛИТЕРАТУРНОЙ КОЛЛЕКЦИИ»

*Публикация, подготовка текстов, предисловие и примечания
Н.Д. Солженицыной*

В первом выпуске «Солженицынских тетрадей» мы предлагаем читателю два прежде не публиковавшихся очерка из «Литературной коллекции» и надеемся продолжить публикацию в следующих выпусках¹.

Зарождение «Литературной коллекции» надо отнести к середине 1980-х годов. Зимой 1983/84 в Вермонте Александр Исаевич впервые почувствовал просвет, облегчение давления, которое испытывал от необходимости ежедневной проработки неохватного исторического материала для «Красного Колеса», на что годами уходили все его вечера. Теперь он мог «разрешить себе читать не только для своей работы, но и “просто так”, по выбору, для удовольствия»². Однако, по многолетней привычке читать «с карандашом», он делал пометки на полях (если книга была своя) или точные выписки и попутные суждения, оценки — на отдельных листочках (если библиотечная). Когда таких выписок и пометок собралось много, А.И. ощутил потребность выстроить их в связный текст, — так начали накапливаться записи его впечатлений при чтении разных авторов, и он стал называть это собрание «Литературная коллекция». За два десятилетия набралось таких очерков несколько десятков, первый датирован 1984 годом, последний — 2005-м.

В 1997-м Солженицын начал печатать в «Новом мире» отдельные очерки из «Литературной коллекции». Публикации он предпослал небольшое предисловие без названия (в оригинале над этим текстом карандашная надпись рукой автора: «Объяснение»), где говорит о своих записях: «Я делал это — для себя, без мысли о печатании. Но видя... как ныне выглаживается память о многих примечательных наших книгах, — я склонился напечатать иные из этих заметок,

---

¹ Исходные рукописи «Литературной коллекции» и все последующие редакции находятся в Архиве А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. Полное собрание очерков «Литературной коллекции» наряду с другими работами Солженицына о литературе и языке будет напечатано в составе 30-томного Собрания сочинений, выходящего с 2006 года в издательстве «Время».

² Солженицын А.И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2000. № 12. С. 154 (гл. 10).

однако уже ничего не меняя в них»³. Некоторые колебания испытывал А.И. при обозначении жанра — записи, этюды, очерки, заметки? — это так и осталось не вполне разрешенным, автор использует в основном два последних определения и так «объясняется» с читателем: «Заметки эти — вовсе не критические рецензии в принятом смысле, служащие оценке произведения в потребность современному читателю. Каждый такой очерк — это моя попытка войти в душевное соприкосновение с избранным автором, попытаться проникнуть в его замысел, как если б тот предстоял мне самому, — и в мысленной беседе с ним угадать, что он мог ощущать в работе, и оценить, насколько он свою задачу выполнил. (А ещё: зорко примечаю лексику автора и в заключение обычно привожу два-три десятка слов и выражений, которыми он в этой книге отменно расширил наш скудеющий языковой поток.)»⁴.

Приводим для удобства читателя свод опубликованных очерков:

- «Голый год» Бориса Пильняка // Новый мир. 1997. № 1. С. 195–203.
«Смерть Вазир-Мухтара» Юрия Тынянова // Новый мир. 1997. № 4. С. 191–199.
«Петербург» Андрея Белого // Новый мир. 1997. № 7. С. 191–196.
Из Евгения Замятина // Новый мир. 1997. № 10. С. 186–201.
Приёмы эпопей // Новый мир. 1998. № 1. С. 172–190.
Четыре современных поэта // Новый мир. 1998. № 4. С. 184–195.
Иван Шмелёв и его «Солнце мёртвых» // Новый мир. 1998. № 7. С. 184–193.
Окунаясь в Чехова // Новый мир. 1998. № 10. С. 161–182.
Феликс Светов — «Отверзи ми двери» // Новый мир. 1999. № 1. С. 166–173.
Пантелеймон Романов — Рассказы советских лет // Новый мир. 1999. № 7. С. 197–204.
Александр Малышкин // Новый мир. 1999. № 10. С. 180–192.
Иосиф Бродский — Избранные стихи // Новый мир. 1999. № 12. С. 180–193.
Евгений Носов // Новый мир. 2000. № 7. С. 195–199.
Двоеные Юрия Нагибина // Новый мир. 2003. № 4. С. 164–171.
Давид Самойлов // Новый мир. 2003. № 6. С. 171–178.
Дилогия Василия Гроссмана // Новый мир. 2003. № 8. С. 154–169.
Леонид Леонов — «Вор» // Новый мир. 2003. № 10. С. 165–171.
Василий Белов // Новый мир. 2003. № 12. С. 154–169.
Георгий Владимов — «Генерал и его армия» // Новый мир. 2004. № 2. С. 144–151.
Леонид Бородин — «Царица смуты» // Новый мир. 2004. № 6. С. 149–158.
Алексей Константинович Толстой — Драматическая трилогия и другое // Новый мир. 2004. № 9. С. 137–144.

---

³ Солженицын А.И. Из «Литературной коллекции» // Новый мир. 1997. № 1. С. 195.

⁴ Там же.

Награды Михаилу Булгакову при жизни и посмертно // Новый мир. 2004. № 12. С. 122–127.

Мой Лермонтов // Что читать. 2008. № 1. Сент. – окт. С. 86–89.

Исходные тексты «Литературной коллекции» написаны черной шариковой ручкой на сложенных вдвое машинописных листах с двух сторон мелким почерком. Позже, когда зрение ухудшилось и почерк стал крупнее, Солженицын уже не складывал листы и писал, как правило, с одной стороны, используя оборот лишь для более поздних вставок. Второй редакцией текста становилась машинописная (позже компьютерная) перепечатка, в которую автор вносил правку шариковой ручкой и цветными карандашами. Некоторые очерки имеют и третью редакцию в виде авторизованной машинописи с правкой.

Тексты печатаются без сокращений. Явные описки исправлены без оговорок. Подчеркнутые слова передаются курсивом, ударения и разрядки сохранены.

Солженицын обильно цитирует своих авторов, и следует оговорить особенности его цитирования. Он до некоторой степени подчиняет цитируемое динамике своего текста: устраняет повторы, побочности, рыхлости, которые иногда возникают при «вживлении» цитаты и тем утяжеляют передачу мысли; сокращает цитируемые фразы, не каждый пропуск обозначая многоточием; может изменить падеж цитируемых слов или облегчить пунктуацию, если фраза, объемлющая цитату, этого требует. «Я разрешил себе выиграть действенность через сжатие... текста, иногда и отдельных фраз, — без малейшего, однако, искажения их смысла. Все цитаты истинны, но не все дословны», — писал Солженицын о принципах цитирования в обзорных главах «Красного Колеса»⁵.

В качестве эпиграфа к будущей полной публикации «Литературной коллекции» Солженицын решил поставить созвучную ему мысль Гёте, как нельзя более точно передающую чувства и настроения, владевшие им в этой работе:

«Если о сочинениях или о поступках не говорить с неким любовным участием, с определенным пристрастным энтузиазмом, то в конце концов остается сказать так мало, что лучше уж вовсе молчать»⁶.

---

⁵ Солженицын А.И. Замечания автора к Узлу Второму // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2007. Т. 10: Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел II: Октябрь Шестнадцатого. Кн. 2. С. 531.

⁶ Гёте И.-В., Шиллер Ф. Переписка: в 2 т. / [пер. с нем. и коммент. И.Е. Бабанова; вступ. ст. А.А. Аникста]. М.: Искусство, 1988. Т. 1. С. 186–187.

НИКОЛАЙ ЛЕСКОВ¹

«Некуда» (1864)

Общее о книге. — Поражает верность общего взгляда Лескова на всё движение либералов, студентов, радикалов и революционеров в России уже в 60-е годы. (Автор применяет к ним не привившееся слово «сепаратисты» — то есть отделившиеся от общества.) Их — ворох, многие кучи, сколько их! Только тут я разобрался, что открытие «бесов» вовсе не принадлежит Достоевскому, провидели и до него, вот в какой череде романов:

«Отцы и дети» — (1861². Тургенев — первый! — и слово «нигилист» ввёл он). — «Взбаламученное море» Писемского (1863) — «Некуда» Лескова (1864) — «Дым» Тургенева (1867) — «Обрыв» Гончарова (1869 — но как робко!) — «Панургово стадо» Всева. Крестовского (1869 — а использует одну из главных мыслей Лескова). — И только тут «Бесы» (1871³) — одновременно с «На ножах» Лескова.

Но и должны ж были быть у Достоевского предтечи меньшего роста. К чести русской литературы: она рано всё заметила и настойчиво предупреждала!

И понимание у Лескова весьма охватное: он либералов и «граждан»-коммунаров не слишком отграничивает от революционеров. И показал, как все эти движения составляются: из интриг демагогов и из искренних людей, стремящихся к справедливости. И видно, что он побывал в их среде, хорошо наблюдал. И вся фразеология «новых людей» дана правдоподобно. Например, Бертольди: «Семья есть безобразнейшая форма того, что дураки называют цивилизацией. Семья — учреждение безнравственное, об этом спорить нельзя: она удаляет человека от общества и портит его натуру». Коммунары убеждены: «Мать, целуя ребёнка, только удовлетворяет... своим чувственным стремлениям. <...> Надо, чтоб не было узких забот только о тех, кого сама родила». Дальше: «Человечество подло и глупо» — и коммунары, да и шире, «сепаратисты», живут в постоянном раздражении на общество. — Но уже есть и: «Мы удобрим... почву, мы польём её кровью», «ну, миллион вырезать, ну, пять миллионов» (Бычков) — и приходится поверить. Это 60-е годы! — И такой юмор: «Вы не забудете писать, что совершают ваши безобразники. Опасаться нечего, на четвёртый день т а м. — (Т.е. достигнет в Лондоне Герцена.) — После разберёмся, а если случится ошибка, то каждый может оправдаться» (у Герцена же?..).

---

¹ При работе над очерком автор пользовался изданием: *Лесков Н.С. Собр. соч.*: в 11 т. М.: ГИХЛ, 1956–1958. (Библиотека А.И. Солженицына; с пометами в тексте и на полях.)

² Дата первой публикации романа «Отцы и дети» И.С. Тургенева — 1862.

³ «Бесы» Ф.М. Достоевский пишет и публикует в 1871–1872 годах.

«Дом Согласия» (слепцовская коммуна) — хорошая практическая анти-иллюстрация к Чернышевскому. И общая картина крайнего революционерства — тоже очень правдоподобно.

И название романа означает: таким людям (и — нам с такими людьми) идти н е к у д а.

Однако в конструкции романа всё рыхло-рассыпчато, и многое присутствует совсем случайно. Композиция — раздёрганная, сквозных сюжетов — нет. Слишком много действующих лиц, и все недоработаны, да большинство — даже только мельком. (На число персонажей — размахнулся не по силам.) Проза — совсем не стянутая, не упругая, слишком много расслабленных мест. Полная (не несущая целевой нагрузки) разностильность кусков. Перо небрежно (как бы — от торопливости), это может быть просто 1-я редакция, «как сразу написалось». Многосотенно раз автора подводит отсутствие вкуса и меры. Много характеристик, прямо поясняющих людей и их поступки, это нетерпимо. Немало избыточностей в изложении и приёмах.

Большая часть книги читается безо всякого интереса, уже оттого автор не вызывает расположения читателя, по этой книге его трудно полюбить. У него не выявлено своё писательское лицо, характер, свой слог, манера. И не хватает терпения для методической разработки материала. Что-то несуразное, как вот задевают посуду рукавом — так автор даёт самые неожиданные страницы. Перебивает его не раз и как бы меланхолия. А склонность к анекдотичности — настолько постоянная черта творчества Лескова, что уже закрывает ему первый ряд в литературе. У него не хватает собранности, стройности, всеуместности.

1-я часть (в провинции) — вся скучна и больше чем на половину — не нужна. 2-я часть (Москва) — уже поживей, есть интересные наблюдения, фигуры, темы. Первое сюжетное оживление — только в середине книги, при мнимом аресте студента Богатырёва и последствиях этого. А с 3-й части (Петербург), как пошла коммуна, — живо, интересно, убедительно. Этот «Дом Согласия» — вместо всех несостоявшихся или плохо сочинённых сюжетных линий. К придуманностям относятся и несколько драматических смертей в конце (Помада, Райнер, Лиза) — они и не идут к этому общественно-обозрительному роману или не вытекают из него убедительно.

А есть у Лескова лёгкость повествования. Но сатира его — слишком безудержна, а когда (реже) он проявляет юмор, лёгкую усмешку — это хорошо. Однако очень уж тянет его на анекдотические случаи, а они только засоряют книгу, не украшают её.

Жаль: со столь зоркими мыслями Лесков обвалился художественно, не сдержался от крайнего раздражения и бичующих характеристик во многих случаях, особенно — к маркизе де Бараль (графине Салиас), «углекислым феям Чистых Прудов» (сёстрам Новосильцевым, а сама кличка остроумна) и уж тем более ко многим революционерам. Многие характеристики не-

сдержанно грубы, вечера у маркизы — памфлетны за пределами терпимого. Белоярцев (Слепцов) дан топорно, без художнической работы. Ещё прежде развёрнутого показа коммуны, он (от Лизы): «Вся нравственная нечисть этих людей»; «открыв всю внутреннюю пустоту и бессодержательность своих натур», и что ещё до Движения, «в своих прежних сословиях» они все — «участники грехов». Диалоги в левой среде — сухи, нежизненны, по вехам социальных мыслей, да и размазаны.

Резкость лесковской критики поставила его под общественный бой, вызвала немилосердную травлю и с этого романа (его первого в жизни) уничтожила его литературное имя едва ли не на столетие. Писарев из Петропавловской крепости предал его вечной анафеме. Салтыков-Щедрин: «Это произведение имело для него самое роковое и почти трагическое значение: судьба его как писателя тут же была решена навеки».

Взрыв общественного негодования против «Некуда» был так бурен, что Лескову пришлось выступить с объяснениями и оправданиями ещё прежде того, как было закончено печатанье романа. Но *никто* не решился выступить в его защиту печатно. (Уже тогда какая сила общественного Поля!)

А между тем Лесков в романе всё движение шестидесятников охватно называет «одною из великих поэтических эпох нашей истории» — то есть как они самоотверженно кинулись в новое. Сам он сказал в 1871: «Я признаю (этот роман) честнейшим делом моей жизни». А в 1881 в письме: «Этот памфлет сохранил на память потомству истинные картины нелепейшего движения, которые ускользнули бы от историка. В “Некуда” есть пророчества, целиком исполнившиеся».

И правда же так. Например: «Придёт время — теории всем надоедят». — «Пока мы не будем считать для себя обязательным участие к каждому человеку, до тех пор все гуманные теории — вздор». — «Теории-то эти... погубили и губят людей». Его мысли в защиту авторитета в семье. И что монастыри — не отжили, это — пристанище, у кого недостаток жизненных сил.

Но удивительнее то, что эту книгу душила и кое-что невозстановимо вымарала — цензура! Лесков пишет: «Я не пользовался никаким покровительством властей, но встречал сугубую строгость». (Что раздражало цензуру? — монастырское? сцены дворянской жизни? черты чиновничьего управления? просто испуг всякой объёмной правды?) И М. Катков сказал о Лескове: «Он совсем не наш».

И действительно, Лесков бранит не только левых. Не упускает упоминать о казённом воровстве, о злоупотреблении сильных. Даже: «Нацию обуюло себялюбие, двоедушие и продажность». «Мещанство неблаговоспитанно, несносно». Безжалостен он и к старообрядцам: «Кремни... ни крестом, ни пестом их не проймёшь».

Может быть из-за цензуры Лесков пишет о современных тому общественных и уличных событиях — всегда намёками, никогда конкретно. (От

этого — трудно понять без издательских примечаний.) Описывая явно 1860–64 годы, почти минует александровские реформы и отмену крепостного права. Для общественного романа — странно.

Художественные приёмы. — Не заботится ни о единовременности главы, ни о слитности действия. Может целые куски действия пропускать даже без просвета.

Вводит новых лиц сразу по полдюжине и по десятку, и пытается сообщить нам и их наружности, и их одежду, — и так не раз, во многих главах, — неохватимо. (И затем вскоре мы растериваем их, ибо автору к ним невозможно возвратиться. У меня в «Колесе» такая же неизбежность — но я для таких персонажей и не пытаюсь утомлять читателя подробностями, фамилиями.) В самих описаниях наружностей Лесков неисправимо методичен (и излишен) — а между тем потом почти никогда не использует их и не напоминает нам. И вдруг с наружности впервые представляемого человека соскальзывает на объяснение этой наружности или характера, ещё ничем не подтверждённое, например: «до крайности ненадёжное лицо», в нём, «видимо, преобладали цинизм и половая чувственность, мелкая завистливость и злобная мстительность». — Также иногда: обстоятельные медлительные подробности, например комнат, обстановки (ничто в голове не успевает уложиться) — нигде больше никогда не используемые; описывается больше подробностей помещения, чем может видеть читатель, входя.

Многие диалоги — не свободные, и в них много лишнего, приёмы на ощупь, как начинающего писателя. В диалогах интеллигенции — замысловато-книжное, сложное остроумие, далеко от живого разговора. — А народный диалог — везде хорош.

Очень некстати автор иногда вводит и себя. Вот, мол, рассмотрим общество в тарантасе, когда кучер не может заметить нашего присутствия. — Сейчас не место её описывать, но хотелось бы в другой раз. — «Это было очень хорошее свидание. Я таких свиданий не умею описывать».

В изображении многих фигур Лесков сбивается на карикатурность, любит это (и сопровождает плосковатыми остротами). И непременно присутствуют у него запредельно странные анекдотические люди, и он старается смешить нас ими — а они совсем не смешны. Искусственно придумывает их? утрирует виденное в жизни? (Здесь такой — Помада, но есть полдюжины персонажей, данных так.)

Претенциозны названия глав — то по-английски, то по-немецки, то по-латыни. То: «Перчатка поднята», то «Два гриба в один борщ».

Искусственна и неожиданна последняя глава, куда без надобности написано героев 1-й части, забытых читателем и ни к чему уже не нужных. И это приправлено ещё новым назидательным образом купца Луки Никоновича — и его устами приговор писателям. Приём неуклюжий.

Из персонажей. — Полная неудача с центральным персонажем доктором (но ничего в нём от доктора) Розановым. Неумело, что именно он вводится как наблюдатель политических нравов провинции, Москвы и Петербурга и даже становится (без всякого к тому убеждения) — прямым участником революционных действий. А то — разоблачает либералов с консервативной стороны. В его убеждениях совершенно невозможно разобратся, автор намешал беспорядочно, а потом легко «отговорил» его одним внушением старого генерала (Стрепетова). Розанов, по сути, — никакой, и характера никакого: почему он пошёл в революцию? Автор как будто нарочно сбивает себе всякую попытку дать Розанову характерное лицо. И совсем он не предан своим больным: легко бросает их на многие сутки ради общественных столкновений. (Впрочем — у большинства действующих лиц избыток свободного времени, и непонятно, когда они могут выполнять службу или обязанности.) Или уж совсем никудышный доктор? — не может найти себе работы в Москве иначе как через подпольное содействие петербургских иезуитов. (А вероятно: докторство просто неудачно придумано, без знания дела, а пытается автор изобразить свои собственные метания и растерянность? Образ «себя» — он-то, как правило, и никакому писателю не удаётся.)

Засвидетельствовано примечаниями, что история с женой — его семейная. Но подана она грубо, и главная неудача в том, что нет попытки обнаружить в жене ни единого человеческого качества. К ней — одна неприязнь, резко слова в её обрисовке, а психологически история семейная совсем не разработана.

Не много удачи и с главной героиней Лизой Бахаревой — она писана суматошными противоречивыми рывками, психологические переходы её совсем мало обоснованы: «вот так, захотелось!» И привязанность к Розанову, и отвязанность от него, и потом увлечение Райнером также прихотливы. И общественное направление её — при стольком чтении! — никак не определено. И в коммуне она — как бы против убеждения, и там она, и не там. Оттого и смерть её — не потрясает.

Райнер, собственно, болтается без смысла и почти без серьёзного показ — кроме патетической (единственной такой во всём романе) вступительной главы, где описывается европейская история его и отца — почти поэма вдруг. — Что за загадка; почему русские писатели XIX века разных направлений в поисках ярко-положительного героя — всегда берут иностранца? — Конечный с ним сюжет — побег к польским повстанцам — закручен совсем неестественно, и не изнутри.

Язык. — Я и спешил читать Лескова, думая выловить что-нибудь для своего словаря. В «Некуда» очень мало нашёл. Авторская лексика свободная, но обогащённых слов в этой книге мало — по её политическому предмету? Хорошо и легко вводит Лесков украинскую речь. Нечувствительно

громоздит: «потряхивающегося», «пробивающимся», «раскачивающуюся». (Впрочем, это — и посегодня неизжитый порок в русской литературной речи.)

Запоминается: «трехпогибельный тротуар», «подрукавные литераторы», «субтиль-жантиль миньёночки», «бархатные мышки».

— «Стихи она писала до того белые, что когда сгорала бумага, то бесцветным пламенем».

— «Русский человек зачастую сапоги покупает осмотрительнее, чем женится».

— «Проклято то сердце, которое за любовь не умеет заплатить даже состраданием».

Но есть невозможные небрежности. Слишком часто: «восхитительно хороша», «она прелестна», «прелестные выющиеся каштановые волосы», «кажется, все нервы её дрожали», «в её больших чёрных глазах виднелась смелая душа, гордая своею силою». — Или, наоборот, сухо: «фанатически преданный делу», «прекрасно отразились на расположении их духа», «вся его особа дышала... натуральностью», «колосистая рожь... изнемога[ла] под невыносимым дыханием летнего бога, наблюдающего своим жарким глазом за сплошную химическую работу в его необъятной лаборатории», в «воздухе... было много... такого, что неприятно действовало на окисление крови», «её дни есть приготовительный термин ко вступлению в жизнь с настоящими представителями бескорыстного человечества».

Эпизоды. — Волнующая история, как молодой муж Феокисты, старообрядец, в страстной вторник пошёл через лёд добывать ей селянку — и потонул. Только народный, и религиозный, писатель мог такой случай подхватить. И что был бы за рассказ, если б отдельно и тщательно! А здесь — мимоходом, мало высвечен, и Феокиста дальше пропадает, никто и ничто.

Хорошо развёрнутое описание ловли перепелов в безлунную ночь. Неплохо и описание «султанов» и «повязочек» в приречном камыше.

Вот что не лишнее: по-бальзаковски добротное описание барско-тюремно-богадельно-складского дома, где поселилась коммуна. Сцена в редакции «отсталого» журнала — неплохие начатки.

А семья Бахаревых со всеми их диалогами и обстановкой — потеря времени, что он тут «разоблачает»?

Поляки. — Поддавшись струям того времени? напряжённости между польской и русской интеллигенциями? — всё же малоубедительно представляет поляков и петербургских иезуитов главными направи́телями русских заговоров. Нагораживает тут и конспирацию со стенным подслушиванием, парик, накладную одежду, «мрачный дух», и развешаются чёрные фалды, и никакой высоты стремлений у ордена: «Нужно выбрать... поглупее, эти скоты ко всему пристанут», «полезнее дураков и энтузиастов нет». — И, сам плохо веря? — дал такое один раз, без развития. — А второй раз, ища драмати-

ческого конца? — спохватился о польском восстании, но даёт его в театральных декорациях Беловежа, как эпизод же.

Евреи. — Откровенно с отвращением относится к евреям в целом и без попытки предвидеть их растущее значение для России. Розанов: «Помилуйте, какие у жидка стремления!» С отвращением: Нафтула Соловейчик, «иерусалимский дворянин». Несостоявшийся доносчик, вместо того грабитель — и, в какой-то связи с ним, чуть не идентичен — барон Альтерзон — «дьявол тебя побирай, жид шельмовского». Ещё — эпизодичны один-два, в том же тоне (сын одесского купца Иона Кацен). И пророчит Польше: «Жида вас всех заберут в лапы, и будет новое еврейское царство». — Всё это у Лескова — вполне мимоходом, а, вероятно, решительно повлияло и на судьбу его книги, и судьбу самого. (Годами позже, в 1884, Лесков, по правительственному запросу, написал обстоятельную докладную — в защиту российских евреев.)

«Житие одной бабы» (1863)

Впервые я читал в тюрьме, и уже тогда был поражён диалогами, живым народным языком — почти, местами, непонятным для интеллигентского уха⁴. Теперь перечитываю — да, так, но только в 1-й части.

1-я часть поражает и естественностью ввода каждого очередного персонажа, и естественностью отведенного ему объёма и плотности. Верностью народным характерам (и живодёрам как Костик, и пронзительной покорностью Насти и их матери Мавры, и кузнеца с женой, тёплые отношения их), индивидуальность каждого мужика и каждой бабы так легко достигнута. Отличное детальное знание крестьянской жизни, да какая верная подробность жестов (как ковригу режут; как скребут сосульки с бород; как баба оперлась на ухват, глядя на кипящий в печи чугунок; два мужика влёжку перед огнём). А уж крестьянские диалоги выделяются: как точны, безыскусственны, идеальный слух автора! — и рассказ весь в целом хорошо звучит от подразумеваемого рассказчика (иногда и сам он проступает в звуке, характере, симпатичный).

---

⁴ В архиве А.И. Солженицына есть машинописная перепечатка несохранившейся рукописной записи, озаглавленная «Лесков» (1 лист, печать с 2 сторон); в правом верхнем углу рукой А.С. сделана помета: «Записано в 1945–46 по читанному в Лубянке». О «Житии одной бабы»: «Вообще произведение не сильное, не больше как вольная литературная обработка фольклорных материалов — песен о несчастных замужествах. Но поражают диалоги! Наряду с «Тихоном и Маланьей» — это высшее достижение нашей русской литературы в передаче подлинно народного разговорного языка, того языка, который хотя и состоит из самых простых русских слов, но сложен и почти непонятен для интеллигентного уха в такой же мере, в какой разговор интеллигентных людей, говорящих по-русски, совершенно непонятен для присутствующего при разговорах мужика».

11863) [11 фев 1987]
 "Николай адмай дады" Впервые я писал в старом, и уже тогда был парадокс диалогам, живым парадокс диалогам-прим, мистик, непонятным для интеллигентного уха.
 Теперь переиздано - да, так, но только в 1-й части.
 1-я часть парадокс и естественностью вводя карикатурного персонажа, и естественностью одевая его одёжа и платности. Вероятно парадокс характером (и фаворитом, как Косик, и пранзиг-сломой покорности Маша и их матери Варвары, и Кузнецов с женой, тёплые акцентом их), индивидуальностью карикатурного и карикатур дады так легко воспринимать. Одними деталями знания крестьянской жизни, да какая верная подражательность (как Ковригу режёт; как скрепят сосиски с жаром; как дады спорят, на ухле, гуды на китизмизм в пети гуды, а утё крестьянские диалекты и на всём рассказе выделены: как дады, безмисловными, идеальными слух адвер!
 Рассказ всё в целом хорошо звучит от подражательного рассказчика (именно и сам он просит в звуке, характере, симпатичным).
 Рассказчик ждёт верней и честней гусеница-дупельная дупельская "верней". Или мималит "дх, дх, ма", (конец гл 3) как скромно, искренно и оёпел по сравнению с подросом гоголевский "Традики". Да и адвай в конце гл 5: "Беда у нас родится смирным да сиротливым".
 И был бы - жемчужина русской литературы, если бы Лесков на 1-й части не останавливался. Но он продолжал. И что мешало ему - ни чувства провантерности, ни чувства целого, чувства меры и вкуса (из-за всего это гл 5 замосит, и пародия на свои произведения). Адвай - как бы не хватало на павильон. Во 2-й части он ограничивает дальностью действующих лиц 1-й части, а Маша выводит на платонический сюжет - соавторский, да и повествователь уже без такой жемчужности, с думанной в величине песенности, "Красивую" думанность. А парадоксную фему Сопана с детьми - и восторженно, славика дадыше мет о мей. У мей (как и "Мейда") если утё плаха, знай фема, до дх провета и дх елимай гуды человечности. (Видно, своя жена злобаво ему досаждала.)
 Неудачный послестроительный привесок - адвай в восторженности, и слишком примитивно-маркировочными концы с длинной мималит и мималит.

Страница рукописи А.И. Солженицына «Николай Лесков». 1987.

15 с. 21,6×14 см. Шариковая ручка

Архив А.И. Солженицына

Насколько ж это верней и честней чуженадуманной бунинской «Деревни». Или монолог «Эх, Русь моя» (конец главы 3) — как скромн, искренен и тёпл по сравнению с пафосом гоголевской «Тройки». Да и абзац в конце главы 5: «Беда у нас родиться смиренным да сиротливым».

И была бы — жемчужина русской литературы, если б Лесков на 1-й части и остановился. Но он продолжал. И тут не хватило ему — ни чувства продолжения линии, чувства целого, чувства меры (из-за чего его часто заносит, и портит он свои произведения). Автора — как бы не хватило на повесть. Во 2-й части он обрывает большинство действующих лиц 1-й части, а Настю выводит на любовный сюжет — стандартный; да и поданный уже без такой жизнеподобности, с уклоном в усиленную песенность, «красивую» фольклорность. А покинутую жену Степана с детьми — и вовсе роняет, словечка больше нет о ней. У него (как и в «Некуда») если уж плохая, злая жена, то без просвета и без единой черты человечности. (Видно, своя жена здорово ему досадила.)

Неудачный послесюжетный привесок — автор в Гостомле. И слишком прямолинейно назидательный конец с длинной цитатой из Майкова.

Но какие суровые порядки на Руси! (60-е годы). И разоблачение административных злоделаний вполне стоит Гоголя.

После полностью безлунной ночи через 2–3 дня — поздневстающая луна, такого не может быть.

— «В лавках ему подавали стул» (как точно).

— «Агатовые глаза» — задолго до Бунина.

Срывы сказа, неряшливость: «в этих апартаментах» (о пуньке); «солидарность; эротическое движение; педагогический приём; совершенный контраст»; «rendez-vous; поэтически; подвела [его] под свою теорию; препозиция; аппарат мыслительный; без аффектаций» — всего этого легко было избежать.

Повторяется впечатление от Лескова: ему не хватает точной координации движений, какая-то в них неосторожность, несоразмерность. Это отражается и на языке, и на сюжете, и на композиции.

«Леди Макбет Мценского уезда» (1864)

Действительно, шекспировский размах в характере Катерины Львовны и в убийствах есть. Лесков не уклонился описать с большой подробностью и убийство мужа Зиновия, и удушение мальчика. Малый размер глав даёт чёткость формы и динамику сюжета. Характер Катерины верен до конца (с Сонеткой).

Диалог и тут неплох, но мешает, когда автор вставляет прямые пояснения чувств. Впрочем, тогда все писали так.

Рискнул описывать каторжный этап, которого не знает. Но дух — как будто верен. «Мир каторжников я писал из головы, но Достоевский находил, что я воспроизвёл действительность довольно верно».

— Цепочки лампад, вздрагивающие от ударов в дом (хорошо).

Но: «Эти вокальные вопросы», «апатично», «совершающая драму любви» — режут.

Что привлекло Шостаковича писать эту оперу? Размах безраскайного злодейства? — это очень доступно его музыке. Но либретто 20-х годов (вместе с каким-то Прейсом)⁵ — позорное, убого советское: напихано атеизма, глумления над опереточным (измысленным либреттистами) священником, над корыстными полицейскими. Многие диалоги — дословно из Лескова, а добавки безвкусные, вроде «силь ву пле», «крокодилица», «где тут умирают?», поцелуй так, «чтоб иконы с киота посыпались».

А у Лескова: «Любовь народа к стройному церковному пению». Переняли всё наоборот. (Хорошо, что не написал Шостакович оперу на «Матрёну».)

«Соборяне» (1872)

И здесь тоже сказывается, что нет у Лескова контроля над сюжетным равновесием. Также и тут его вдруг переклоняет, переваливает сильно вбок. Он теряет соображение целого, забывается в отдельных сценках — и так утеривает смысл всего произведения. Проблему 1-й части, Туберозов и Церковь, тщетную попытку совместить пастырскую любовь к людям и подчинение церковной бюрократии — смазал во 2-й части, даже свёл на шутовство. Нередкий расчёт Лескова — привлечь читателя забавными сюжетами, но зря он наворачивает их. Ахилла — карикатурен, однако не смешон и мало симпатичен.

Всё вместе — весьма неровно. То — живо, вспышками — яркое видение; то — избыточно, ощущение неумелости, и даже скучно читать. Но — это не подстраивается автором, а несуразности — все из жизни.

С плодомасовскими карликами — слащаво, перебор умильности.

А хорошо переданы чистота и мир семейной жизни Туберозовых. Но смерть его, за бледнением 2-й части, уже не очень трогает.

И тут — избыточность прямых характеристик персонажей (в начале — сразу всех троих). А природа чувств не раскрыта обычно. Преувеличенные словесные краски. Залюбовывается несущественными цветовыми пятнами (тройка карликов, съезжающая с горы; исправник с сопровождающими идёт купаться) — всё поиски забавности.

---

⁵ Работа Д.Д. Шостаковича над либретто оперы «Катерина Измайлова» началась в 1930 году (см.: *Шостакович Д.Д. О моей опере* // Шостакович Д.Д. Катерина Измайлова: Опера в 4 действиях и 9 картинах. Текст Д. Шостаковича и А. Прейса по повести Н. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда». М., 1934. С. 11).

А что, как всегда, отлично видит: опасность нигилизма, ядовитое разложение «передовых». («Грамотность не относится к разрушающим элементам», а у нас «в необходимость просвещённого человека вменяется безверие, издёвка над родиной».) За благо родины — больно ему. («Да соблюдётся до века Русь!») Но не приукрашивает он никогда ни властей, ни Церкви — он даже беспощаден в обрисовке отечественных пороков. («Откуда это взялась у нас такая... вражда и ненависть к вере?») Вот — дикие способы борьбы со староверами (1836): уничтожение их молельни, окачивание молящихся из брандспойтов. Цензурирование проповедей. Замалёвка наивной крестьянской картины, как Старец-Господь лёг отдыхать в 7-й день. — И как винные откупщики жалуются на священников вверх, что те отвращают народ от пьянства. — И эпизод Отечественной войны 1812: казаки грабят помещицу, бьют верную дворню.

— За что же ты молчишь?

— Хочу я быть Каином, да и шабаш.

— Я всегда говорю, что шпионы нужны.

— Пишем статьи в столичные газеты — оттуда отвечают: «Резче!»

«Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе» (1881)⁶

Не знаю, был ли до Лескова в русской литературе жанр сказа. (Отчего бы и не быть? (Да и в фольклоре же!)) Однако рецензенты и в «Отечественных записках», и в «Деле» удивлялись и слову, и жанру, и название его приписывали Лескову.)

Но это необыкновенно свежо и смело! Лохматый юмористический лубок — и в этот раз 50-летнему Лескову нигде не отказывает чувство целого и меры (может быть, «междоусобный разговор» лишний раз упомянут). Сколько смешного, живость какая, как подхвачен необычный яркий гаерский тон — и всё держится, всё держится, нигде Лесков не срывается, не отклоняется — пока через этот юмор не проступает вся трагически грубая русская жизнь — но и тут ему тоже не отказывает тон. Шедевр! — Удивительно выдержано равновесие: нигде не впадает ни в национальную умильность,

---

⁶ В записи «по читанному в Лубянке» (см. примеч. 4) А.С. так отзываясь о «Сказе...»: «Великолепная штучка. Сверкает богатством русского народного языка. В сюжете, пропитанном фольклорными мотивами даже чрезмерно (автор не критически следует даже за вводом и мельканием фигуры Платова, которая совершенно сбоку-припёку), замечательна не только история о том, как наши подковали блоху, но и история о негодности наших ружей и ещё больше — о том, как не ценили в России талантливого человека — как английского шкипера повезли отогреться в английское посольство, а нашего кузнеца оставили на улице замерзать» (Архив А.И. Солженицына).

ни в салтыков-радикальную желчь. (И рецензенты слева и справа выругали Лескова за противоположные грехи, совсем не поняв художественного совершенства вещи, — значит, и в 80-х годах у нас не были к этому способны? а когда же? Для левых это «славянофильский шовинизм», для правых — очернение русских порядков. Одни — что он льстит русскому народу, другие — что принизил его.)

Использовал Лесков только поговорки: «англичане из стали блоху сделали, а наши туляки её подковали и им назад отослали». Всё остальное — блистательное его сочинение. Как скупое и ярко обрисован Платов — и чего стоит поворот этого образа от Государя к народу, от кражи мелкоскопа до вельможных погоняний — сколько здесь собрано русских вельмож XVIII века! — Какая густота в последних страницах: как левшу сдают в квартал, таскают по холоду, по больницам (а сжалуется над ним только англичанин да врач) — и как левша (с выдранными от учения волосами на виску, с родимым пятном на щеке так и виден, других черт и не надо, по-замятински) всё несёт Государю, тщетно, «последний секрет» о ружейных стволах — и неожиданно это ударяет в Крымскую кампанию, отчего рассказ приобретает контуры исторического. (И в таких мимолётностях, как: афонские монахи собирают там, где нечего собирать.)

Чисто, без умильности написано: как тульские мастера начинают с молитвы перед камнесечной иконой св. Николая, приплывшей по Зуше. А об арифметике — и не слыхали никогда. «Наша наука... по Псалтырю да по Полусоннику, а арифметики мы нимало не знаем. <...> У нас это так повсеместно».

Самая последняя главка — явно для цензуры, оберегательная, совсем лишняя, её и считать не надо частью рассказа.

В таком сказе — с языком особенно трудная работа: нужно проявить виртуозное штукачество, а нигде не сорваться. И это удаётся Лескову!

Хочется выписывать целыми фразами:

«Каждый человек у них себе все абсолютные обстоятельства перед собою имеет». (То есть: всякий работник у англичан в сытости, одет не в обрывках.)

«Платов мало интересовался французским языком, потому что был женатый».

«У них насчёт казённого строго».

«Нам... удивляться с одним восторгом чувств не следует».

«Против [аглицкой нации] надо взяться подумавши и с Божьим благословением».

«Горите себе, а нам некогда!»

«Чтобы ни одна минута для русской полезности не пропадала».

«Мы... по бедности своей мелкоскопа не имеем, а у нас так глаз пристрелявши».

«Спору нет, что мы в науках не зашлись, но только своему отечеству верно преданные».

«Наши книги против ваших толще».

«Под презентом сидит... и к отечеству смотрит».

Морщится от чаю оттого, что «очень сладко не приучены».

Пояса всё затягивали, «чтобы кишки с лёгкими не перепутались».

И — слова, т.е. народная этимология:

мыльнопильные заводы	непромокабли
междоусобные разговоры	валдахин
свистовые казаки	верояция
двухсестная карета	пубель
Аболон полведерский	граф Кисельвроде
Твердиземное море	клеветон
держит свою ажидацию	буреметр
долбица умножения	симфон воды
горячий студинг	керамиды

«Леон дворецкий сын» (1881)

Но вот сразу же за тем и сорвался: как будто жанр почти тот же, и те же приёмы искажения слов, и понятно — а ухо дерёт. (Показательный случай, как тот же автор в том же году в том же жанре может написать два произведения столь разного уровня.)

Правда, и построение уже сразу нестройное: два введения авторским языком. Потом предрассказ об Александре III в юности — позже вставляется авторский абзац и в сам «сказ», если и его можно так назвать (уже нельзя). — Сбив и в том, что после «Левши» Лесков потом признался: это — его сочинение (вопреки своему же предисловию, что «записал рассказ»). А здесь в предисловии так же настаивает, что это — народное творчество, «устная народная литература» — а он, де, только записал. Элементы этого он, конечно, слышать мог: и в попытках «чернородья» представить себе дворцовый быт, и в народном обмыслении странных слов. Но слишком густо намешано языковых раскоряк, это уже от автора.

Кое-что неплохо: «хап-фрау, пупоны, безбилъе».

Есть и просто народное: к ковсеношне, к кабедне (явная путаница неграмотных), жена была с буланцем, постоянный бекрень в голове, кончатки (как начатки), нет прощады, брыкада, Квазиморда.

Но некоторые слова повторяются из «Левши» (ажидация), а другие — уже шибают перебором, особенно в такой густоте:

Пропуганда, назидация, бугометрия, лепартамент, мигальёны, ванпасье, ванфли, «Бульдыгомус игитур», интригантус, мангральный (минеральный), Дарзанс (нарзан), вятикет — и многие.

«Такую экономию соблюдаю, что... для одной болезни никогда лекаря не зову, а жду, пока ещё что-нибудь заболит, и тогда разом... дешевле стоит».

А про дворцовых хищников — не зря, не зря. Видно, сильно воровали.

«Тупейный художник» (1883)

Посвящено годовщине отмены крепостного права и удача в выборе эпиграфа, как редко удаётся авторам, такая теплота: «Души их во благих водворятся», погребальная песнь.

Правдивая жестокая история, глубоко трогает. И повествование захватывает. Веришь, что нет преувеличений ни в театре графа Каменского и почти даже не в том, что в подвале графа постоянно сидят люди на цепях и стонут. Пробирает ужас от крепостного права.

И ведь не случаен же этот предатель-поп? Ведь нет у Лескова нарочитого антиклерикализма. И рядом: как граф на Пасху затравил борзыми священников, обходящих с крестом. Священники — тоже как крепостные...

Повествование захватывает. Динамичные маленькие главки хороши. Без предварения: большей частью от автора, а то от рассказчицы. (Пронзает: любовь её к теляткам, боль, когда их ведут резать, — освещает и весь рассказ.)

Но язык — никакой, местами — страницы расслаблены, особенно в начале. И лишняя последняя фраза: «Более ужасных и раздирающих душу поминок я во всю мою жизнь не видывал» (как несчастная глотает водку по ночам, чтоб успокоиться). Зато: «облей уголь» (сердце) — выпей водки.

Очень, очень удался рассказ. И что почти нет бытовых подробностей, даже наружности, — хорошо, он — поэзия.

«Привидение в инженерном замке» (1882)

Рассказы, связанные с таинственным, всегда производят впечатление на читателя и влияют на него во всяком случае в лучшую сторону.

При этом изложение — и не замечается. А оно у Лескова — самое бесхитростное, *никакое*. И, кажется, это — в большинстве его произведений. Понятия упругости прозы у него нет. А у многих ли в XIX веке оно было?..

Но любовь к рассказу «о чём-нибудь», лишь бы позабавить, часто безо всякой высокой задачи, она и сделала Лескова — как бы второразрядным, как бы не проявившим себя.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Немзер. К ЧИТАТЕЛЮ	5

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ:

Из наследия АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

Александр Солженицын. Из «Литературной коллекции»	8
Николай Лесков	11
Виктор Астафьев	25

*Публикация, подготовка текстов, предисловие
и примечания Н.Д. Солженицыной*

«Открытую почту нам Москва обрubiла в оба конца...»:

Из переписки Александра Солженицына

<i>и Лидии Чуковской (1974–1977) . . . . .</i>	47

*Публикация, подготовка текстов и комментариев
Е.Ц. Чуковской и Н.Д. Солженицыной,
вступительная заметка Е.Ц. Чуковской*

СТАТЬИ, ДИСКУССИИ, ВОСПОМИНАНИЯ

А.С. Немзер. Жизнь и Поэзия в романе «В круге первом»	101
И.Е. Мелентьева. Солженицын читает Лескова	118
Б.Н. Любимов. «Пир победителей» на сцене Малого театра: Из истории постановки	135
Л.А. Колобаева. «Река, впадающая в пески»?: Художественные прогнозы Александра Солженицына («Раковый корпус»)	147
А.Д. Шмелев. Скобки у Солженицына	167
Э.-Б. Вахтель. «Один день...» пятьдесят лет спустя.	184
<i>Авторизованный перевод с английского Н.П. Гринцера</i>	

«Солженицын: Мыслитель, историк, художник»:	
Круглый стол	198
Ведущие: В.А. Москвин, О.Б. Василевская	
Выступления: Н.Д. Солженицына, Э.Э. Эрикссон, мл., А.С. Немзер,	
Н.П. Гринцер, Л.И. Сараскина, П.Е. Спиваковский, И.Б. Роднянская,	
Б.Н. Любимов, Р.А. Гальцева, А.Е. Климов, П.Г. Проценко,	
И.Е. Мелентьева	

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

Н.Д. Солженицына. О премии	
Введение	251
Из истории: Интервью еженедельнику «Книжное обозрение»	252
Устав	257
Лауреаты (1998–2010)	259
Книжная серия	262
Премия 2011	
Решение жюри	263
Церемония награждения	263
Ведущая: Н.Д. Солженицына	
Выступления: Л.И. Сараскина, П.В. Басинский, А.А. Авдеев,	
Е.В. Иванова, М.В. Сеславинский, Н.В. Каверин, Е.Ц. Чуковская	
Премия 2012	
Решение жюри	287
Церемония награждения	287
Ведущая: Н.Д. Солженицына	
Выступления: П.В. Басинский, В.О. Отрошенко, М.А. Анашкевич,	
О.О. Павлов	

ХРОНИКА

Раздел подготовлен Г.А. Тюриной

Издания произведений А.И. Солженицына	303
Литература о творчестве А.И. Солженицына	305
Фильмы, интервью	307
Конференции, симпозиумы	308
Выставки	313
Музеи	317

Произведения А.И. Солженицына в искусстве	318
Семинар, посвященный трудам и дням писателя	319
In memoriam	319

АРХИВНЫЕ НАХОДКИ

Лотман и Солженицын: Воспоминания, письма, дарственные надписи.

К 90-летию со дня рождения Ю.М. Лотмана

и 50-летию публикации «Одного дня Ивана Денисовича» .....

321

Ю.М. Лотман. [Из «Не-мемуаров»] .....

323

Письма, дарственные надписи .....

326

Публикация, подготовка текстов, предисловие

и примечания Г.А. Тюриной

ОБ АВТОРАХ .....

333

SUMMARY .....

335

CONTENTS .....

339

Солженицынские тетради: Материалы и исследования : [альманах].
С-60 Вып. 1 / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына ; [гл.
ред. А.С. Немзер]. — М. : Русский путь, 2012. — 344 с. : ил.

ISBN 978-5-85887-420-1

Ежегодный альманах «Солженицынские тетради» призван способствовать общению профессиональных исследователей жизни и творчества писателя и его заинтересованных читателей. Альманах представляет неопубликованные тексты из наследия А.И. Солженицына, документы, связанные с жизнью и работой писателя, мемуары о нем и его эпохе, исследования, посвященные конкретным произведениям, их взаимосвязям, логике творческого пути писателя, его месту в литературе и культуре, роли в истории XX столетия и той истории, что творится сегодня.

В этом выпуске впервые публикуются очерки писателя из «Литературной коллекции» (о Н.С. Лескове и В.П. Астафьеве), фрагменты переписки А.И. Солженицына и Л.К. Чуковской (1974–1977). Хроника происходящего в солженицынском пространстве включает информацию о значимых изданиях книг писателя, новинках исследовательской и учебной литературы, конференциях, выставках, спектаклях, фильмах, очередных решениях жюри Литературной премии Александра Солженицына. Издание иллюстрировано репродукциями рукописей и фотоматериалами.

УДК 82.0

ББК 84(2Рос)6 + 83.3(2Рос)6

Литературно-художественное издание

Солженицынские
ТЕТРАДИ
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

1

Редактор: *О.Б. Василевская*

Расшифровка стенограмм: *Т.Ф. Приходько, Л.А. Эпиктетова*

Корректор: *О.А. Савичева*

Верстка: *Л.А. Фирсова*

Подписано в печать 21.10.2012. Формат 70х100/16.

Тираж 3000 экз.

ЗАО «Издательство «Русский путь»

109240, г. Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2. Тел.: (495) 915-10-47

E-mail: info@rp-net.ru

Сайт издательства: www.rp-net.ru

Сайт магазина «Русское Зарубежье»: www.kmrz.ru

Типография «Наука»

121099, г. Москва, Шубинский переулок, д. 6

ISBN 978-5-85887-420-1

9 785858 874201 >